

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Новейшая история**

УДК 93/94(470.64)

DOI 10.31143/2542-212X-2020-1-147-162

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ В
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БАЛКАРСКОГО НАРОДА****А.И. ТЕТУЕВ**

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН).

360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и других источников исследуется проблема отражения в исторической памяти повседневной жизни балкарцев в условиях спецпоселения. Анализируются источники и литература по исследуемой теме. Проведены комплексная реконструкция и оценка всей нормативно-правовой базы органов государственной власти, регламентирующих повседневную жизнь спецпереселенцев: административно-правовое положение, социальный статус, хозяйственно-бытовое устройство, использование труда и вовлечение их в общественную деятельность. Анализ документов и воспоминаний бывших спецпереселенцев позволил раскрыть негативные факторы, повлиявшие на повседневную жизнь особенно в первый период депортации. Освещаются трудности хозяйственно-бытового обустройства и жизни спецпереселенцев в условиях комендантского режима. Выявлены демографические потери балкарского народа. Показана деятельность спецпереселенцев фронтовиков, бывших партийных, хозяйственных и творческих работников, направленная на отстаивание справедливости и мобилизацию соотечественников к выживанию в условиях спецпоселения. Исследуется повседневная жизнь балкарского народа в условия смягчения режима спецпоселений. Раскрываются достижения спецпереселенцев в труде, хозяйственном обустройстве и спортивной жизни. Показано негативное влияние депортации на развитие национальной культуры, подготовку кадров в высших и средних специальных учебных заведениях.

Ключевые слова: память; балкарцы; спецпереселенцы; правовое положение; адаптация; выживание; быт; труд; образование; культура.

**THE DAILY LIFE UNDER CONDITIONS OF SPECIAL VILLAGE IN
HISTORICAL MEMORY OF THE BALKARIAN PEOPLE****A.I. TETUYEV**

The Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

360000, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Pushkin st., 18

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Abstract. Based on archival materials and other sources, the article explores the problem of reflecting in the historical memory the daily life of the Balkars in a special settlement. Sources and literature on the topic under study are analyzed. A comprehensive reconstruction and assessment of the entire regulatory framework of state authorities governing the daily lives of special settlers was carried out: administrative and legal status, social status, household structure, the use of labor and their involvement in social activities. An analysis of the documents and memoirs of the former special settlers made it possible to uncover the negative factors that had an impact on everyday life, especially during the first period of deportation. The difficulties of the household arrangement and the life of special settlers in the curfew are highlighted. The demographic losses of the Balkarian people are revealed. The activity of special settlers of front-line soldiers, former party, business and creative workers, aimed at upholding justice and mobilizing compatriots to survive in the conditions of special settlements, is shown. The everyday life of the Balkar people is studied in the conditions of softening the regime of special settlements. The achievements of special settlers in labor, household amenities and sports life are revealed. The negative impact of deportation on the development of national culture, training in higher and secondary special educational institutions is shown.

Keywords: memory; Balkars; special settlers; legal status; adaptation; survival; life; work; education; culture.

Во второй половине 30-х годов XX века и в годы войны десятки народов Союза ССР были выселены с родных мест в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Репрессии оказали негативное влияние на повседневную жизнь спецпереселенцев и развитие культуры и образования. Депортированные народы, в том числе балкарцы, вынуждены были организовывать свою жизнь в трудных условиях спецпоселений. Изучение и осмысление исторической памяти о повседневной жизни балкарского народа в местах спецпоселений является актуальной проблемой и имеет большое научное и практическое значение.

По исследуемой теме опубликованы сборники документов и воспоминаний: «Балкария: Депортация: Свидетельствуют очевидцы», «Реквием...», «Человек непобедим: к 70-летию депортации балкарского народа» и др. [Балкария... 2015; Реквием... 1996; Человек непобедим... 2014] Необычайной эмоциональной силой воздействия обладают эти издания, в которых память о депортации отразилась в воспоминаниях самих депортированных, очевидцев и свидетелей этих трагических событий.

Особое место среди них занимает сборник документов Б.Б. Темукуева «Спецпереселенцы» в трех томах [Темукуев 2009]. В нем содержатся посемейные списки 45 797 спецпереселенцев-балкарцев, а также выселенных вместе с ними представителей других национальностей.

Память о депортации широко представлена и в воспоминаниях, опубликованных в республиканских газетах и журналах. В частности, в газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Заман», журнале «Минги Тау» ежегодно на русском и карачаево-балкарском языках публикуются материалы, посвященные трагическому событию в истории балкарского народа. Обращение к теме депортации породило целый пласт выселенческого эпоса в художественной

словесности. Значительная часть карачаево-балкарских народных песен о выселении и жизни спецпереселенцев в условиях депортации собрана и опубликована в работе «Словесные памятники выселения» [Словесные... 1997].

Тема народной трагедии в карачаево-балкарской поэзии (на материалах устной и письменной словесности) исследована в монографии Б.А. Берберова [Берберов 2015].

Несмотря на то, что тема депортации оставалась под запретом, она получила глубокое художественно-философское осмысление в карачаево-балкарской литературе. Поэзия К. Мечиева, К. Отарова, К. Кулиева, поэтов, на себе испытавших трагедию выселения, стала «хранилищем социокультурной памяти», обладающей художественной ценностью и исторической значимостью [Мечиев 2003; Кулиев 1964; Отаров 1956].

Художественному осмыслению проблемы депортации посвящены произведения А. Теппеева, З. Толгурова [Теппеев 2001; Толгуров 2003].

Тема депортации стала одной из форм сохранения исторической памяти в искусстве, прежде всего в живописи. В художественных полотнах И. Занкишиева, В. Баккуева, В. Курданова и других мастеров запечатлена скорбь народа, его стойкость и мужество.

Таким образом, рассматриваемая проблема нашла отражение в различных источниках. В то же время далеко не все имеющиеся в наличии материалы вовлечены в научный оборот. Особенно это касается нарративных источников, в которых запечатлелось личностное, неприукрашенное временем, видение народной трагедии. В изучении указанной проблемы остается много до конца не исследованных вопросов, которые нуждаются в уточнении путем проведения дополнительной работы с архивными документами и воспоминаниями бывших спецпереселенцев.

В данной статье исследуется проблема отражения повседневной жизни балкарского народа в исторической памяти в условиях депортации.

8 марта 1944 г. балкарский народ в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 5 марта 1944 г. был депортирован в Казахскую и Киргизскую ССР [РГАСПИ. Ф. 644. Оп.1. Д. 215. Л. 119-121].

23 марта 1944 г. начальник отдела перевозок НКВД СССР Аркадьев в телеграмме заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В.В. Чернышеву сообщал, что эшелон с балкарцами «Северный Кавказ-455» прибыл на Омскую железную дорогу. Балкарцы доставлены в 14 эшелонах с числом пассажиров 37618 человек [Иосиф Сталин... 1992: 116].

Балкарцы были расселены в Казахскую ССР – 21700 человек, Киргизскую ССР – 15000 человек. Отдельные группы семей были направлены в Узбекскую ССР – 419 чел., Таджикскую ССР – 4, Иркутскую область – 20, в районы Дальнего Севера – 14 чел. [ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 61. Л. 2; Бугай 1995: 135].

Указанные сведения о прибытии и размещении балкарцев имеют несколько противоречивый характер. Эти данные отдела спецпоселений НКВД СССР не учитывали числа депортированных после 8 марта 1944 г. Всего с 1944 по 1950 гг. было депортировано 39 407 балкарцев [Эдиев 2003: 302].

Балкарцы были расселены почти в 400 поселениях в пустующих жилых и подсобных помещениях колхозов, совхозов, МТС, наскоро построенных саманных домах с глиняным полом. Подтверждением тому являются воспоминания бывшего спецпереселенца Магомета Бибертовича Акаева: «Нашу семью, состоящую из 7 человек, подселили на уплотнение в одну комнату (20 кв. м.) временки в колхозе «Киров» Наукатского района Киргизии»¹.

В информации секретаря Иссык-Кульского областного комитета ЦК КП (б) Киргизии от 1 августа 1946 отмечалось, что в сентябре 1946 года в Иссык-Кульской области из 693 балкарских семей только 178 семей имели постоянное жилье, 81 семья проживала на жилплощади, непригодной для жилья. Такие же жилищные условия спецпереселенцы имели и в других районах Киргизской ССР [УЦГА АС КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 40-42].

По сведениям государственных органов власти Казахской ССР, в октябре 1949 года из 4 772 семей балкарцев 195 семей проживали в ведомственных и коммунальных домах, 159 – на уплотнении, а 72 – в непригодных для жилья помещениях. Приусадебными участками были обеспечены 4 296 семей, имели крупный рогатый скот 1 900 семей и мелкий скот – 3 680 семей [УЦГА АС КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 4. Л. 5].

По воспоминаниям выселенцев, в связи с затруднительными условиями получения ссуды в сельхозбанке, они практически не имели материальной возможности строить частное жилье. Вместе с тем многие спецпереселенцы занимались огородничеством, женщины традиционно занимались рукоделием: вязали из хлопка и шерсти платки, носки, свитера и др., продавали их или обменивали на продукты [Человек непобедим... 2014: 211, 223].

Для хозяйственного обустройства местные органы власти летом 1944 г. выдали спецпереселенцам скот в среднем по 200 кг в живом весе на одну семью. Это значительно меньше того количества скота, которое оставила при выселении каждая семья. Об этом свидетельствуют воспоминания бывшего спецпереселенца М.Б. Акаева: «Мой отец Биберт Дукумович Акаев имел до выселения более 20 голов скота, а получил взамен 5 коз в колхозе «Киров» Наукатского района Киргизии»². В соответствии с постановлением «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г. СНК СССР [Депортация народов... 1992: 76, 77] выселенцы были обязаны заниматься общественно-полезным трудом, не имели права без разрешения коменданта НКВД отлучаться за пределы района расселения. За самовольную отлучку за пределы расселения и не соблюдения установленного для них режима спецпереселенцы привлекались к уголовной ответственности.

О таких фактах в своих воспоминаниях рассказывает бывшая спецпереселенка Б.А. Отарова: «...Накануне 8 марта я была в Нижнем Чегеме в гостях у родителей и нас выслали в г. Акмолинск, а мужа Омара Отарова – в

¹ Полевой Материал автора. Информатор: Акаев Магомет Бибертович, 1929 г.р., пенсионер. Записано 20.05.2018 г., с.п. Яниковой, КБР.

² Там же.

Джалал-Абадскую область... С трудом с малолетним ребенком переехала к нему, но радость была недолгой... На похоронах двоюродного брата Отарова Шапия он узнал, что его отец погиб на фронте. ...В большом отчаянии он плакал и сказал: «Почему власть так несправедлива к моему народу?!» Кто-то донес властям его слова, и на второй день, без суда и следствия отправили его в Хабаровский край как политического заключенного. ... Через 8 лет лагерей Омар вернулся...» [Человек непобедим... 2014: 284-287].

Коменданты чинили произвол, наладили систему вымогательства взяток за выдачу пропуска на проезд в другой населенный пункт. Показательны в этом плане воспоминания бывших спецпереселенцев Р. Гуртуевой, К Таймаскуловой и А. Ахкубекова: «Спецкомендант с. Тюп Тюпского района Киргизии из своей должности извлекал максимум возможного. Пропуск на выезд за пределы района и внутри официально разрешенных он выдавал только за взятку... Узнав о кратковременном отъезде кого-нибудь из балкарцев, даже в соседнее село, комендант брал «нарушителя» на заметку, а по возвращении требовал ставшую обязательной взятку, а то и штраф. Особенно от него страдали женщины и старики» [Балкария... 2015: 189-199].

После окончания Великой Отечественной войны стали возвращаться фронтовики. Многие демобилизованные, которые не знали, где их семьи, писали в места призыва. Так, капитан М.Ш. Кучуков¹ узнал о депортации балкарцев в Среднюю Азию из письма фронтовика, актера кабардинского театра А.М. Тухужева [Балкария... 2015: 217]. В конце 1945 г., узнав адрес родителей в Северном Казахстане, он написал рапорт о предоставлении ему очередного отпуска, мотивируя свою просьбу тем, что родители эвакуировались. Ему пришлось скрыть о выселении родителей. В начале 1946 г. он приехал к родителям, которые жили в крохотной, не отапливаемой мазанке, застал их больными и сильно ослабевшими от голода.

Аналогичный пример фронтовика Муталиба Мокаева, который после четырех лет службы вернулся в Нальчик весной 1946 г. [Темукуев 2009, Т. 1: 114]. Он рассказывал, что в НКВД завели карточку как на спецконтингент, в военкомате поставили на учет и выдали проездной и продуктовые талоны. Через два дня он поехал в Алма-Ату, где проживала его семья.

Возвращались и те фронтовики, которых командиры воинских подразделений, зная об их боевых заслугах, не только оставляли на фронте, но и награждали. В их числе были награжденные орденом Александра Невского: гвардии старший лейтенант Эльсуеров Кеккез Магометович, гвардии старший лейтенант Уммаев Магомет Магомет-Гериевич, капитан Бозиев Якуб Цикоевич [ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1135; Оп. 690306. Д. 1772; Оп. 690155. Д. 5304].

¹ Магомед Шабазович Кучуков в 1940 г. окончил Институт театрального искусства имени Луначарского и работал актером в театре. В 1941 г. был призван в Красную Армию. Награжден орденами: Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны 1-ой и 2-ой степени. После демобилизации с 1948 по 1956 годы, в связи с депортацией балкарского народа, проживал в Ивановском районе Фрунзенской области Киргизской ССР. После возвращения из депортации на родину в 1957 году вернулся в театр. Ему присвоено звание «Народный артист РСФСР».

Положение депортированных народов еще более ухудшилось после принятия нормативно-правовых документов «О выселенцах» (постановление Совета Министров СССР от 24 ноября 1948 г.) и «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.) [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 36. Д. 450. Л. 87;]. Документы предусматривали соблюдение режима спецпоселения, регулярную регистрацию в спецкомендатуре МВД. Кроме того, указывалось «...о привлечении к уголовной ответственности и осуждению на 8 лет лишения свободы лиц, высланных на поселение и продолжающих уклоняться от общественно-полезного труда и ведущих паразитический образ жизни в местах поселения».

К весне 1949 г. на учете НКВД состояло 1045 балкарцев, которые после демобилизации вернулись к своим родным [Темукуев 2009, Т. 1: 115]. Они ставились на учет как спецпереселенцы со всеми ограничениями. Тем не менее возвращение и трудовая деятельность фронтовиков позволила местным жителям Казахстана и Киргизии узнавать правду о репрессированных народах. Постепенно рассеивались культивирующиеся вымыслы, «народы-предатели». Кроме того, фронтовики выступали против беззакония со стороны комендантов и защищали права выселенцев. Так, фронтовик – бывший спецпереселенец К.М. Эльсуеров рассказывал, что однажды в г. Макинке Акмолинской области он увидел около спецкомендатуры озабоченного мальчика. Узнав, что тот явился на регистрацию, но коменданту не понравилась его одежда и он не разрешил расписаться, зашел (К.М. Эльсуеров – *уточ. А.Т.*) в комендатуру, сорвал пагоны у коменданта и избил его [Темукуев 2009, Т. 1: 159]. Фронтовик не пострадал – комендант не стал жаловаться, по всей видимости, осознав, что был не прав.

Примером нарушения прав служат воспоминания бывшего спецпереселенца Таулана Додуева: «...Наша семья (старшая сестра Жансурат и пять братьев) проживали в колхозе им. Тельмана Талды-Курганской области Казахской ССР. Жансурат создавала для нас необходимые условия, поэтому все братья работали в колхозе. Одновременно она ухаживала за тремя малолетними детьми двоюродной сестры Назий Уянаевой, которая также работала в колхозе. Тем не менее на основе докладной коменданта Жансурат была осуждена на 8 лет лишения свободы и направлена в Кемеровскую область. Я добровольно поехал с ней, и работали мы в тайге на лесоповале... Затем я обратился к коменданту колонии с просьбой помочь сестре Жансурат, так как она была осуждена несправедливо. Он написал соответствующее письмо в Москву, и через три года Жансурат освободили и она вернулась в колхоз им. Тельмана. Через год я был снят с учета как спецпереселенец в Кемеровской области и тоже вернулся к своим братьям» [Человек непобедим... 2014: 29-35].

Коменданты вели надзор за спецпереселенцами, в том числе и учащимися. Об этом свидетельствуют воспоминания бывшей спецпереселенки Зои Мусукаевой: «Отца своего не помню, он ушел в армию и не вернулся... У мамы было четверо детей, я была старшей. Проживали в Ошской области

Наукатском районе Киргизии. Вскоре умерли сестренка и братик, и мы остались одни. Мама, для того, чтобы нас с младшим братом поднять, работала в двух-трех местах уборщицей... Я в то время, не имея нормальной одежды и обуви, ходила за четыре километра в школу. В 1953 г. я училась в 5 классе. Когда умер Сталин, нам сказали, что нельзя ни бегать, ни смеяться. Одна моя подруга передала учителям, что я сказала: «Хорошо, что Сталин умер! Теперь мы уедем на родину». Она еще сказала, что я смеялась и прыгала от радости. ... Меня приговорили по статье 58 «б» к 6 годам лишения свободы и 5 годам высылки. Свой срок отбывала в Иркутске в детской трудовой колонии. В 1955 г. мамин зять Алафаев Азрет написал кассационную жалобу Ворошилову, рассмотрев ее, меня освободили...» [Балкария... 2015: 105,108].

Повседневная жизнь спецпереселенцев, в том числе и фронтовиков, состояла из множества ограничений. Многочисленные запреты, ограничения для выселенцев, произвол в деятельности комендантов вызывало недовольство. В этой связи спецпереселенцы – фронтовики и бывшие партийные работники обращались к руководителям государственных органов власти с просьбой снять с учета как спецпереселенца и вернуть на родину. С такими письмами обратились в партийные и государственные органы страны участники Великой Отечественной войны – спецпереселенцы А.Х. Соттаев, А.А. Таппасханов, Х.Г. Боташев, К.С. Отаров, И.С. Башиев, С.М. Караев, С.К. Бабаев, Н.А. Чочаев и Ж.Ж. Залиханов, до выселения балкарцев работавший в должности первого секретаря Черекского райкома ВКП (б) [Шабаев 1994: 221-223].

Например, Нажмудин Амматович Чочаев в марте 1950 г. обратился с письмом к министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову и министру Вооруженных Сил СССР А.М. Василевскому. Он писал: «...В 1939 году со школьной скамьи я добровольно поступил в ряды Красной Армии и служил до 1946 года. ...На фронте получил три ранения. Имею пять правительственных наград и шесть благодарностей от товарища Сталина за участие в уничтожении немецких войск и за освобождение городов... Я выполнял свой долг перед Родиной и вдруг после демобилизации из Советской Армии оказался спецпереселенцем. Поэтому прошу Вас, учитывая вышеизложенное, освободить меня от звания «спецпереселенец», чтобы я мог гордиться за свою социалистическую Родину наравне с другими демобилизованными офицерами и быть таким же, как они, гражданином нашего Великого Советского Союза» [Шабаев 1994: 221-223].

Заявители А.Х. Соттаев, И.С. Башиев и С.М. Караев были осуждены, остальным было отказано в просьбе об освобождении из спецпоселения. Вместе с тем указанные письма свидетельствуют о стойкости поднявших голос протеста против беззаконий, лишивших их родины и гражданских прав.

Нравственной основой народа в годы выселения была вера в то, что справедливость восторжествует. Эту веру отстаивал балкарский поэт Кязим Мечиев (1859-1945) [Мечиев 2003: 166]. Опираясь на жизненный опыт, он призывал не таить зло на власть, проявлять выдержку и усердие в труде, надеяться на восстановление справедливости.

Б.А. Берберов, исследуя роль поэтов, в особенности Кязима Мечиева, в годы депортации, отмечал, что он один из тех, кто проявил гражданское мужество и вопреки требованиям официальной идеологии сумел воспеть величие народа, способного сохранить стойкость духа в нечеловеческих условиях изгнания [Берберов 2015: 96].

Большую помощь в адаптации и формировании стратегии выживания оказывали спецпереселенцы, имеющие большой жизненный опыт и работавшие до депортации на руководящей работе. В первое время они, как и все соотечественники, занимались малоквалифицированным трудом. Но затем, с учетом их трудовых достижений, деловых и организаторских качеств, многие из них были выдвинуты на руководящую работу. Практически в каждом населенном пункте, где компактно проживали балкарские спецпоселенцы, находились люди, которые добровольно, по зову сердца, брали на себя ответственность за своих земляков, становились неформальными лидерами, востребованными этим жестоким временем. Особенно это было важно в первый период, до возвращения с войны уцелевших фронтовиков. Так, в памяти бывших спецпереселенцев местности Тогай (впоследствии «Кирвинсовхоз») Южно-Казахстанской области остались имена Амина Махмудовича Хачирова, директора строящегося винодельческого завода в Кирвинсовхозе Южно-Казахстанской области (до выселения работал секретарем Малокарачаевского райкома ВКП(б) и Инзрела Бадияевича Тетуева, управляющего отделением Кирвинсовхоза (до выселения работал заведующим райфинотделом исполкома Черекского райсовета депутатов трудящихся). По воспоминаниям бывшей спецпереселенки М.Ж. Чанаевой [Байсиева 2007: 3] они, имея большой жизненный опыт, помогали словом и делом своим соотечественникам – спецпереселенцам, защищали их от притеснений и издевательств со стороны местного населения, начальства. По мере возможности они поддерживали голодающих спецпереселенцев продуктами, помогали в решении различного рода житейских проблем. В 1947 г. А.М. Хачиров и И.Б. Тетуев были награждены медалью за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Депортация не только обрекала людей на физическую гибель, но, что еще хуже, могла сломать человека, озлобить его. Но именно в такой драматический период жизни народа появляются личности, которые своей верой в справедливость, стойкостью противостояли злу, делали все возможное для поддержания духа, мобилизовали силы для спасения своих соотечественников. Вне всякого сомнения, такими людьми были А.М. Хачиров и И.Б. Тетуев. Благодаря природному трудолюбию, терпению и взаимопомощи народ сохранился.

В таких экстремальных условиях народ мужественно нес груз страданий – страданий, заслуженных не действительной виной, а преступным произволом власти. И тем не менее характерные черты менталитета балкарцев все-таки сохранились: необычайное трудолюбие, терпение, приверженность высоким моральным ценностям, взаимопомощь. Об этом свидетельствуют воспоминания самих спецпереселенцев. Рассказывает бывшая спецпереселенка К.Б. Тетуева:

«В Кирвинсовхозе Южно-Казахстанской области ее муж Инзрел работал в совхозе. Время было голодное. У нас дома была ручная мельница, и муж, приходя с работы, в первую очередь задавал мне вопрос: «Кого давно не было?» Услышав имя, нес в эту семью имевшуюся в доме еду, чаще всего предназначенную ему самому. Ведь не приходили те, у кого не было даже горсти зерна. Нет, мы и сами жили не привольно, просто муж отрывал от себя, своей семьи, помогая другим» [Байсиева 2007: 3].

Вымирали целыми семьями, родами, обрывались генеалогические корни, подрывался генофонд нации. Смена территории проживания, изменение природно-климатических условий, уклада жизни, плохие бытовые условия, истощение от недостатка питания, эпидемические заболевания, неудовлетворительное медицинское обслуживание резко повысили смертность.

Особенно тяжелые условия для проживания были в Голодной степи местности Тогай Кировского района Южно-Казахстанской области, где росла только верблюжья колючка, летом жара достигала 45 градусов. В своих воспоминаниях бывший спецпереселенец И.Б. Тетуев отмечал, что выселенцы для себя построили землянки. Здесь похороны стали повседневной и тяжелой обязанностью полуголодных мужчин и парней, способных держать лопату. С утра они шли копать могилу для родственников или жителя этой местности, оставались на весь день – не успевали предать земле одного покойника, как доставляли другого [Темукуев 2009, Т. 1: 163]. По его подсчетам с 1944 по 1946 год умерло около одной тысячи карачаевцев и балкарцев (70%), состоящих на учете в комендатуре.

Согласно справке о состоянии рождаемости и смертности балкарцев, расселенных на территории Казахстана, с 1944 по 1955 год умерло 3 858 балкарцев [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 4. Л. 38-44]. Только в 1945 и 1946 гг. наблюдается некоторый рост численности населения, который связан с возвращением к своим семьям демобилизованных воинов из частей Красной армии. Все эти факторы привели к негативным демографическим последствиям.

В этой связи по подсчетам исследователя Д.М. Эдиева потери балкарского народа, вызванные депортацией, составили: из 39407 выселенцев прямые потери – 7594чел. (19,3%), демографические потери к 1959 г. – 31,3%, долгосрочные демографические потери – 18,4% [Эдиев 2003: 302].

Анализируя воспоминания выселенцев, можно полагать, что основными причинами больших потерь балкарского народа в первый период депортации, в 1944-1947 г., были низкая заработная плата, отсутствие средств для приобретения продуктов, особенно в многодетных семьях и семьях, где были нетрудоспособные. Об этом свидетельствуют воспоминания фронтовика – бывшего спецпереселенца Б. Залиханова: «...муж Мустафаевой Ханий погиб на фронте, а ее пятеро детей умерли от голода в 1944 г. в окрестности Кызыл-Кая Ошской области Киргизии. Шестеро сыновей Бачиева Жандара находились на фронте, он и его жена тоже умерли от голода в Киргизии» [Реквием... 1996: 335-339]. Таких примеров множество. Первое время спецпереселенцы меняли на продукты привезенные с собой ценные вещи. Большинство выселенцев

утверждают, что в день выселения количество вещей и продуктов, необходимых взять с собой, зависело от лояльности офицера. Однако многих из вещей и продуктов, разрешенных первой инстанцией и принесенных переселенцами на пункт сбора, офицеры не разрешили грузить в машины и их приходилось оставлять прямо на дороге. Полагаем, кроме официальной нормы груза «не более 500 кг на семью», была и другая ориентировочная величина. Дело усложнялось еще и тем, что гужевого транспорта не было и переселенцы на себе должны были нести свои вещи и продукты до мест посадки в машины.

В этих условиях для того чтобы выжить и прокормить семью, наравне с взрослыми работали и не достигшие физической зрелости подростки 11-15 лет. Так, например, бывшая спецпереселенка Жаннет Азаматова в своих воспоминаниях отмечает [Балкария... 2015: 11-17], что ей было 12 лет и работала она с остальными на 317 станковом военном заводе в Акмолинске. Дети носили ящики, раскладывали боеприпасы. Жаннет не доставала до ленты, поэтому становилась на ящик и так работала. На заводе иждивенцы получали 300 гр, средний рабочий – 600, кто хорошо работал 750 гр хлеба. Затем она работала на фабрике в г. Макинске, где изготавливали валенки для фронта.

Государственные и партийные органы власти Казахстана и Киргизии в 1944-1946 годы приняли и обеспечили реализацию ряда постановлений о трудовом устройстве переселенцев. По состоянию на 1 июля 1946 г. в Киргизской ССР проживало 3714 балкарских семей в количестве 15 048 человек [Час испытаний... 2001: 203-207]. Все трудоспособные были трудоустроены в колхозах, совхозах, промышленных предприятиях и строительстве Карасуйского канала. В Справке МВД Киргизской ССР о состоянии хозяйственно-трудового устройства переселенцев отмечалось, что переселенцы трудятся очень хорошо, перевыполняют нормы выработки. Так, на № 6 рудника г. Кызыл-Кия проходчик Байзуллаев выполнил норму на 176%, шахтеры Бабаев и Гунаев норму выработки систематически выполняют на 200%. Крепильщик Мустафа Мисиров выполнил норму выработки на 252%. По-ударному и с хорошими показателями работали переселенцы в колхозах и совхозах и МТС.

В Казахстане из 17 902 спецпоселенцев-балкарцев, проживающих в Казахстане в 1948 г., трудоспособные составляли 6 787 человек, из них 6567 трудились в колхозах, совхозах, промышленных предприятиях, стройке и на транспорте [Шабаев 1994: 126].

По воспоминаниям жительницы, бывшей спецпереселенки Н.Ш. Глашевой, «колхозники, выполнившие норму, получали по 200 граммов хлеба в день и пол-литра айрана. Те, кто не выполняли план, оставались без еды...» [Человек непобедим... 2014: 279-283]. Депортированные народы внесли значительный вклад в экономическое развитие республик Средней Азии, Казахстана, Сибири. Многие спецпереселенцы-балкарцы получили государственные награды. Ранее нами отмечалось, что звание Героя Социалистического Труда было присвоено бригадиру полеводческой бригады Ш.И. Келеметову, многие балкарцы, работавшие в различных отраслях

народного хозяйства, были награждены орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями [Тетуев 2016: 108].

Спецпереселенцы имели ограничения для получения общего среднего и профессионального образования. Показательны в этом плане воспоминания бывшего спецпереселенца К.Б. Акаева¹ Он отмечал, что, окончив в 1952 году семилетнюю школу в селе Ровное Джамбульской области Казахской ССР, попытался продолжить обучение в средней школе города Джамбул. Первые два месяца ему удавалось регулярно приезжать и отмечаться в комендатуре, а уже на следующее утро быть в Джамбуле. Но потом случилось беда – в момент посадки в автобус его увидел комендант Шихеев. В комендатуре, узнав, что мое самоуправство продолжается два месяца, Шихеев потерял самообладание. Дело дошло до кулаков... После случившегося комендант запретил выезжать из села. Благодаря помощи учительницы русского языка Г.И. Петровой он окончил среднюю школу и по возвращении на родину поступил в Кабардино-Балкарский госуниверситет и получил высшее образование.

В соответствии с распоряжением Совета народных комиссаров СССР от 20 июля 1944 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 8. Л. 59]. Спецпереселенцы имели право поступить в средние или высшие профессиональные учебные заведения, функционирующие на территории республики. Как правило, все профессиональные учебные заведения находились в крупных городах, где спецпереселенцев проживало мало. Выселенцам разрешался переезд на учебу к месту нахождения учебного заведения с разрешения органов МВД, но без права переезда в другую республику. Однако получить разрешение было очень трудно. К тому же руководители средних и высших профессиональных учебных заведений, опасаясь нареканий со стороны органов МВД, чинили поступающим абитуриентам различные препятствия. Подтверждением тому служат воспоминания бывшего спецпереселенца Юсуфа Курданова [Балкария... 2015: 178]. Он в 1951 году обратился к коменданту с просьбой разрешить выезд в г. Ташкент для поступления в высшее учебное заведение. По истечении 6 месяцев 20 августа комендант ему показал ответ «спецпереселенцам въезд в г. Ташкент запрещен». Затем он написал заявление на выезд в г. Самарканд. 26 августа, получив разрешение, он пришел в приемную комиссию Самаркандского педагогического института, где был недобор. Увидев мои отличные отметки в аттестате и мою национальную принадлежность, они сказали, что документы можем принять только после разрешения директора. Однако директор института отказал в приеме его документов, мотивируя отказ завершением вступительных экзаменов. Можно догадаться, что не это являлось главной причиной в отказе приема документов в педагогический вуз.

Имелись идеологические установки о запрете приема документов от абитуриентов-спецпереселенцев на гуманитарные специальности. Это подтверждается следующими воспоминаниями бывшего спецпереселенца

¹ Полевой Материал автора. Информатор: Акаев Касым Бибертович, 1936 г.р., пенсионер. Записано 12.02.2012 г., с. п. Янкой, КБР.

М.Л. Батырбекова¹. Окончив среднюю школу в поселке Красногорске Казахской ССР в 1951 году, он пытался сдать документы на историко-филологический факультет Казахского государственного университета, однако их не приняли. Поэтому он поступил в Казахский государственный медицинский институт, но с определенными ограничениями – его не допускали на занятия по дисциплинам военной кафедры.

Смягчение режима спецпоселений и определенные перемены в судьбах депортированных народов наступили сразу же после смерти Сталина. Первым правовым актом в этом плане явилось постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» [Сабанчиев 2005: 95], которое предусматривало работающим спецпереселенцам право передвижения в пределах данной области края, республики, а по служебным командировкам – в другие города страны на общих основаниях. Из-под административного надзора и с учета снимались дети спецпоселенцев в возрасте до 10 лет включительно, а также дети старше 16 лет, обучавшиеся в учебных заведениях. Им разрешался выезд к месту учебы в любой регион страны.

Важное значение в изменении правового статуса репрессированных народов имели постановления Совета Министров СССР от 13 марта 1955 г. «О выдаче спецпоселенцам паспортов», «О призыве некоторых категорий спецпереселенцев на военную службу», «О снятии с учета некоторых категорий спецпереселенцев» от 24 ноября 1955 г. [Реабилитация... 1994: 24-26]. С учета были сняты участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями СССР, члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны и преподаватели учебных заведений.

Указанные нормативные акты создали условия для социально-экономического и культурного развития выселенных народов. По архивным материалам и воспоминаниям бывших спецпереселенцев во второй половине 1950-х годов в 54 районах и городах Казахстана и Киргизии проживало 7990 семей балкарцев, численностью 30446 чел. Из 19000 трудоспособных в народном хозяйстве были заняты 12700 чел., остальные были заняты в различных организациях и учреждениях [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118]. Балкарцы имели высокую репутацию среди местного населения именно как трудолюбивые и добросовестные. Многие балкарцы, особенно работающие в сельском хозяйстве, имели высокие показатели. Благодаря трудовым достижениям спецпереселенцев стали ценить и выдвигать по деловым качествам. Между тем многие представители интеллигенции не работали по специальности, лишь незначительная часть выдвигалась на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу. Председателями колхозов и промысловых артелей работали только 4 балкарца, депутатом райсовета избирался один человек, в состав горкомов и райкомов партии – 9 чел., в партийном аппарате балкарцы отсутствовали.

¹ Полевой Материал автора. Информатор: Батырбеков М.Л., 1940 г.р., доцент Кабардино-Балкарского университета. Записано 15.05.2012 г., г. Нальчик.

Имелись определенные успехи в отдельных видах спорта. По воспоминаниям бывшего спецпереселенца Магомета Ахматова, «... они за счет личных средств приобретали спортивную форму, мячи и регулярно после работы в шахте №1 г. Кызыл-Кия занимались футболом» [Реквием... 1996: 309-312]. Он отмечал, что футбольная команда, состоящая из спецпереселенцев – балкарцев, заняла в 1953 г. первое место среди команд г. Кызыл-Кия. На чемпионате Кыргызской ССР по футболу в 1956 г. команда заняла второе место. После окончания чемпионата Мухтара Кекезова, Махмута и Исхака Калабекова включили в сборную команду Киргизии. Абдулла Жаникаев, входивший в сборную команду по футболу г. Кызыл-Кия, стал чемпионом Киргизии в беге на 5000 м и 10000 м.

Значительные успехи спецпереселенцы имели в тяжелой атлетике. Спецпереселенец Владимир Биязрукаевич Уянаев становился абсолютным чемпионом Киргизии по тяжелой атлетике – в 1953, 1954, 1955 годах в весовой категории до 75 килограммов. В 1956 году он в составе сборной Кыргызской ССР участвовал в Спартакиаде народов СССР в г. Москве¹. Ксанаев Эрменби Ахматович, участник Великой Отечественной войны, первый из спецпереселенцев сумевший подняться на почетный спортивный пьедестал, будучи еще в ссылке в Средней Азии. В 1947 году он впервые участвовал в соревнованиях и стал чемпионом по вольной борьбе Ошской области Кыргызской ССР в тяжелом весе (свыше 87 кг). В 1952 и 1953 годах он стал двукратным чемпионом по вольной борьбе Кыргызской ССР².

На новых местах жительства балкарцы хозяйственно были обустроены. Из 6148 балкарских семей, проживающих в сельской местности, 4900 построили себе дома, 4657 семей в своем хозяйстве имели коров [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118].

Вместе с тем были балкарские семьи, которые испытывали затруднения. Это были, главным образом, престарелые, потерявшие своих кормильцев, многодетные семьи. Национальная культура балкарцев за годы их пребывания в Средней Азии и Казахстане не развивалась. Обучение детей в школах на родном языке не проводилось. Это привело к тому, что балкарская молодежь не знала своей письменности и литературного языка. Практически не велась подготовка кадров в профессиональных учебных заведениях. В высших учебных заведениях обучалось только 26 чел., средних специальных учебных – 63 чел. Отсутствовали газеты и литература на карачаево-балкарском языке.

В 1956-1957 годах были изданы книги: Кайсына Кулиева «Хлеб и роза: стихи», издательством «Молодая гвардия»; «Дороги» Керима Отарова, «Любимая Родина» Жанакайта Залиханова, «Пою от всего сердца» Иссы Боташева в г. Фрунзе Кыргызской ССР [Очерки... 2010: 757, 766, 767, 780, 781].

Таким образом, анализ архивных материалов и нарративных источников, документов государственных органов власти и воспоминаний бывших

¹ Полевой Материал автора. Информатор: Уянаев Владимир Биязрукаевич, 1933 г.р., пенсионер. Записано 12.05.2018 г., г. Нальчик.

² Там же.

спецпереселенцев позволил дать объективное представление о повседневной жизни балкарского народа в условиях депортации, сопряженной с большими трудностями в хозяйственно-бытовом обустройстве, трудоустройстве по специальности, получении среднего общего, высшего и среднего специального образования, развития культуры. Плохие бытовые условия, низкая зарплата, отсутствие средств для приобретения продуктов питания в многодетных и нетрудоспособных семьях привели к многочисленным демографическим потерям. В этих условиях спецпереселенцы выживали благодаря приверженности к труду и взаимопомощи.

Определенные перемены в жизни балкарского народа наступили после смягчения режима спецпоселений. Спецпереселенцы внесли весомый вклад в социально-экономическое развитие Казахстана и Киргизии. Многие балкарцы за трудовые достижения были удостоены государственных наград.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Байсиева 2007 – *Байсиева М.К.* Они слышат других // *Горянка*. – 2007. – № 3.
- Балкария... 2015 – *Балкария: Депортация: Свидетельствуют очевидцы* / Сост. М. Котлярова, В. Котляров. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. – 272 с.
- Берберов 2015 – *Берберов Б.А.* Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии (на материалах устной и письменной словесности 1943-2000 гг.). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 215 с.
- Бугай 1995 – *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М.: АИРА-ХХ, 1995. – 320 с.
- ГАРФ – *Государственный архив Российской Федерации.*
- Депортации народов... 1992 – *Депортации народов СССР (1930-1950 гг.): в 2-х Ч. Ч. 1. Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР)* / Сост. О.Л. Милова. Вып. XII. – М.: РАН, 1992. – 354 с.
- Иосиф Сталин... 1992 – *Иосиф Сталин* – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии / Вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. – 288 с.
- Кулиев 1964 – *Кулиев К.* Раненый камень. Стихи и поэмы. – М.: Советский писатель, 1964. – 312 с.
- Мечиев 2003 – *Мечиев К.Б.* Стихи и поэмы. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2003. – 442 с.
- Отаров 1956 – *Отаров К.* Заманны ауазы (Голос времени. Стихи). – Нальчик: Эльбрус, 1956. – 408 с.
- Очерки... 2010 – *Очерки истории балкарской литературы* / Отв. ред. З.Х. Толгуров. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. – 808 с.
- РГАНИ – *Российский государственный архив новейшей истории.*
- РГАСПИ – *Российский государственный архив социально-политической истории.*
- Реабилитация... 1994 – *Реабилитация народов и граждан 1954-1994. Документы* / Сост. И.И. Алиев. – М.: ИЭА РАН, 1994. – 304 с.
- Реквием... 1996 – *Реквием* / С.И. Эфендиев, И. Х. Ахматов, Ж.М. Гузеев. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 384 с.
- Сабанчиев 2005 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Правовое положение и социальный статус балкарцев на спецпоселении // *Государство и право*. – 2005. – № 12. – С. 89-96.
- Словесные... 1997 – *Словесные памятники выселения. Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов 1943–1957 (на балкарском языке)* / Сост., автор вступ. статьи Т.М. Хаджиева. – Нальчик, 1997. – 382 с.

- Темукуев 2009 – *Темукуев Б.Б.* Спецпереселенцы: в 3-х т. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. Т. 1. – 520 с.; Т. 2. – 520 с.; Т. 3. – 528 с.
- Теппеев 1993 – *Теппеев А.М.* Мост Сират: Роман; Тяжкий путь: Трагедия. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 483 с.
- Тетуев 2016 – *Тетуев А. И.* Зарубежная диаспора карачаевцев и балкарцев: история и современность. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 192 с.
- Толгуров 1998 – *Толгуров З.Х.* Голубой типчак: Роман; Алые травы: Повесть. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 386 с.
- УЦГА АС КБР – *Управление Центрального Государственного Архива Архивной Службы КБР.*
- ЦАМО – *Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.*
- Час испытаний... 2001 – *Час испытаний: Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: Документы и материалы / Сост. Б.М. Зумакулов и др.* – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 901 с.
- Человек непобедим... 2014 – *Человек непобедим: к 70-летию депортации балкарского народа. Воспоминания и литературные произведения. На балкарском языке / Сост. пред. и послес. М.Х. Табакоев.* – Нальчик: Эльбрус, 2014. – 600 с.
- Шабаетов 1994 – *Шабаетов Д.В.* Правда о выселении балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 288 с.
- Эдиев 2003 – *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов. – Ставрополь: Изд-во СтГАУ «АГРУС»; Ставропольсервисшкола, 2003. – 336 с.

REFERENCES

- BAISIEVA M.K. *Oni slyshat drugikh* [They hear others]. IN: *Goryanka*. – 2007. – No 3. (In Russian)
- Balkariya: Deportatsiya: Svidetel'stvuyut ochevidtsy* [Balkaria: Deportation: Eyewitnesses Testify]. Compiled by M. Kotlyarova, V. Kotlyarov. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2015. – 272 p. (In Russian)
- BERBEROV B.A. *Tema narodnoi tragedii i vozrozhdeniya v karachaevo-balkarskoi poezii (na materialakh ustnoi i pis'mennoi slovesnosti 1943-2000 gg.)* [The theme of folk tragedy and revival in Karachay-Balkarian poetry (based on the materials of oral and written literature of 1943-2000)]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 215 p. (In Russian)
- BUGAI N.F. *L. Beriya – I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniyu...»* [L. Beria to I. Stalin: “According to your instructions...”]. – M.: AIRA-XX, 1995. – 320 p. (In Russian)
- Chas ispytaniy: Deportatsiya, rehabilitatsiya i vozrozhdenie balkarskogo naroda: Dokumenty i materialy* [Test Hour: Deportation, rehabilitation and revival of the Balkarian people: Documents and materials]. Collect. B.M. Zumakulov and others. – Nalchik: El'brus, 2001. – 901 p. (In Russian)
- Chelovek nepobedim: k 70-letiyu deportatsii balkarskogo naroda. Vospominaniya i literaturnye proizvedeniya. Na balkarskom yazyke* [Man is invincible: to the 70th anniversary of the deportation of the Balkarian people. Memoirs and literary works]. Compiled by; Ed. by M.Kh. Tabakoev. – Nalchik: El'brus, 2014. – 600 p. (In Balkar)
- Deportatsii narodov SSSR (1930-1950 gg.): in 2 Parts. Part 1. Dokumental'nye istochniki Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Oktyabr'skoi revolyutsii, vysshikh organov gosudarstvennoi vlasti i organov gosudarstvennogo upravleniya (TsGAOR)* [The deportation of the peoples of the USSR (1930-1950). Part 1. Documentary sources of the Central State Archive of the October Revolution, the highest bodies of state power and bodies of state administration (CSAOR)]. Compiled by O.L. Milova. Iss. XII. – M.: RAN, 1992. – 354 p. (In Russian)
- EDIEV D.M. *Demograficheskie poteri deportirovannykh narodov* [Demographic losses of deported peoples]. – Stavropol: Izd-vo StGAU «AGRUS»; Stavropol'servisshkola, 2003. – 336 p. (In Russian)

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russian)

Iosif Stalin – Lavrentiyu Berii: «Ikh nado deportirovat'»: Dokumenty, fakty, kommentarii [Joseph Stalin to Lavrentiy Beria: “They must be deported...”: Documents, Facts, Comments]. Compiled by; Ed. by N. Bugai. – M.: Druzhba narodov, 1992. – 288 p. (In Russian)

KULIEV K. *Ranenyi kamen'. Stikhi i poemy* [Wounded stone. Poetry and poems]. – M.: Sovetskii pisatel', 1964. – 312 p. (In Russian)

MECHIEV K.B. *Stikhi i poemy* [Poetry and poems]. – Nalchik: Poligrafservis i T, 2003. – 442 p. (In Russian)

Ocherki istorii balkarskoi literatury [Essays on the history of Balkar literature]. Ed. by Z.Kh. Tolgurov. – Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2010. – 808 p. (In Russian) OTAROV K. *Zamanny auazy (Golos vremeni. Stikhi)* [Voice of time. Poems]. – Nalchik: El'brus, 1956. – 408 p. (In Balkar)

Reabilitatsiya narodov i grazhdan 1954-1994. Dokumenty [Rehabilitation of backgammon and citizens 1954-1994. Documents]. Compiled by I.I. Aliev. – M.: IEA RAN, 1994. – 304 p. (In Russian)

Rekviem [Requiem]. S.I. Efendiev, I. X. Akhmatov, Zh.M. Guzeev. – Nalchik: El'brus, 1996. – 384 p. (In Russian)

RGANI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii [Russian State Archive of Recent History] (In Russian)

RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russian)

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Pravovoe polozhenie i sotsial'nyi status balkartsev na spetsposelenii* [The legal status and social status of the Balkars in special settlements]. IN: *Gosudarstvo i pravo*. – 2005. – No 12. – P. 89-96. (In Russian)

SHABAEV D.V. *Pravda o vyselenii balkarskogo naroda* [Truth about the eviction of the Balkarian people]. – Nalchik: El'brus, 1994. – 288 p. (In Russian)

Slovesnye pamyatniki vyseleniya. Narodnye pesni i stikhi balkarskikh i karachaevskikh poetov 1943-1957 (na balkarskom yazyke) [Verbal monuments of eviction. Folk songs and poems of Balkar and Karachai poets 1943-1957]. Compiled by; Ed. by T.M Khadzhieva. – Nalchik, 1997. – 382 p. (In Balkar)

TEMUKUEV B.B. *Spetspereselentsy* [Special settlers]: in 3 vols. – Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2009. Vol. 1. – 520 p.; Vol. 2. – 520 p.; Vol. 3. – 528 p. (In Russian)

TEPPEEV A.M. *Most Sirat: Roman; Tyazhkii put': Tragediya* [Bridge Shirat: Roman; Hard Way: Tragedy]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 483 p. (In Russian)

TETUEV A.I. *Zarubezhnaya diaspora karachaevtsev i balkartsev: istoriya i sovremennost'* [The Foreign Diaspora of the Karachais and Balkars: History and Present]. – Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016. – 192 p. (In Russian)

TOLGUROV Z.Kh. *Goluboi tipchak: Roman; Alye travy: Povest'* [Blue Fescue: Roman; Scarlet Herbs: A Tale]. – Nalchik: El'brus, 1998. – 386 p. (In Russian)

TsAMO – Tsentral'nyi arkhiv Ministerstvo oborony Rossiiskoi Federatsii [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. (In Russian)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby KBR [Department of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardin-Balkarian Republic]. (In Russian)